

ИМЯ И ДЕЛО

Мераб МАМАРДАШВИЛИ

**«...ПРЕОДОЛЕТЬ
мыслительную неграмотность
народа и власти»¹**

О призвании философа

В 1986 году, читая курс лекций о проблемах мышления, известный философ Мераб Константинович Мамардашвили (1930 — 1990) обронил фразу о «преодолении мыслительной неграмотности народа и власти». Включив эту тему в список намеченных к обсуждению «больших проектов», мы обратились к Ю. П. Сенокосову — первому издателю философского наследия М. К. Мамардашвили — с просьбой рассказать о жизни и творчестве философа.

Помню (очевидно, потому, что впоследствии мы с М. К. стали друзьями) своё первое впечатление от произнесённой кем-то из студентов философского факультета МГУ фамилии «Мамардашвили». Тогда, в 1958 году, я учился на историческом и слушал иногда на ФсФ лекции историка философии В. Ф. Асмуса и психолога П. Я. Гальперина. Помню также первое зрительное впечатление: широкоплечий, в чёрном свитере, с большой лысой головой и крупными чертами лица. Внушительная фигура двигалась по длинному коридору Института философии, и один из аспирантов, стоявший рядом со мной, произнёс: «Смотри, идёт Мамардашвили!» Это было в 1966-м. А ещё через два года этот человек пригласил меня на работу в журнал «Вопросы философии».

Юрий Сенокосов

Родился давно, ещё до войны. Появился в Москве в 1955-м. Окончил исторический факультет МГУ и аспирантуру Института философии АН СССР. Работал в журналах «Вопросы философии» и «Проблемы мира и социализма» в Праге. В Москве встретил настоящих друзей и любимую женщину. Перестройку приветствовал — всё последующее стремился понять и каким-то образом влиять на происходящее. Так возникла Московская школа политических исследований — наша с Леной Немировской, её директором, судьба и смысл жизни; радость видеть в Школе молодых людей и помочь им. Мечта — создание в России гражданского общества, поскольку только оно способно изменить природу и характер бюрократической власти в стране ненасильственным путём. Россия станет современным государством, когда общество будет осознавать себя гражданской нацией.
yura@4cs.ru

Благодарим за предоставленные фотографии А. М. Мамардашвили и Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого».

¹ Мамардашвили М. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 204.

Мераб Константинович родился **15 сентября 1930** года в городе Гори Грузинской ССР в семье кадрового военного. В **1949** году окончил среднюю школу в Тбилиси с золотой медалью; в **1949–1954** учился на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (на четвертом курсе провалил экзамен по политической экономии социализма, об этом можно прочитать в газете «Московский университет» от **6 января 1953** года: «Отличник Мамардашвили не смог правильно разобраться в вопросе о двойственной природе крестьянского хозяйства»).

Уже во время учёбы в университете М. К. интересуется человеческое сознание, природа мышления станет сквозной темой его философии.

В **1954–1957** годах — аспирантура философского факультета МГУ.

1957–1961 — редактор-консультант в журнале «Вопросы философии», где публикуется его первая статья «Процессы анализа и синтеза». **1959** — рождение дочери. **1961** — после защиты диссертации «К критике гегелевского учения о формах познания» получает учёную степень кандидата философских наук и вступает в ряды КПСС.

1961–1966 — редактор-консультант журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге (служебные командировки в ГДР, ФРГ, на Кипр, в Италию)². После окончания командировки в Италию был отозван в Москву, став «невъездным». Причина — из Италии без разрешения советских властей М. К. поехал к друзьям в Париж.

1966–1968 — зав. отделом Института международного рабочего движения АН СССР (в **1968** выходит книга «Формы и содержание мышления»).

1968–1974 — зам. главного редактора журнала «Вопросы философии», читает лекции на психологическом факультете МГУ. В **1970** в Тбилиси защищает докторскую диссертацию и через два года получает звание профессора.

1974–1980 — старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР. Именно в эти годы по приглашению друзей М. К. читает в Москве курсы лекций: по истории современной и античной философии — в Институте кинематографии, о философии искусства — на Высших курсах сценаристов и режиссёров, о проблемах анализа сознания — в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР, а также в других городах (Ростов-на-Дону, Рига, Вильнюс).

Осенью 1980 М. К. Мамардашвили переезжает в Тбилиси и становится главным специалистом Института философии АН Грузии.

В **80-е** годы он часто приезжает в Москву, выступает с докладами, читает известные курсы лекций о философии Декарта, Канта, Марселя Пруста. Фактически эти и предыдущие курсы лекций, или, как он называл их, беседы — они записывались на магнитофон — и составляют творческое наследие Мамардашвили. (В **1982** в Иерусалиме выходит книга «Символ и сознание», написанная совместно с А. М. Пятигорским; в **1984** в Тбилиси — «Классический и неклассический идеалы рациональности».)

1989 — философ вновь, спустя двадцать с лишним лет, посещает Францию.

1990 — произносит знаменитую фразу: «Если Грузия выберет президентом Гамсахурдиа, я пойду против своего народа»; в Москве выходит книга «Как я понимаю философию»; поездка в США.

25 ноября 1990 года М. К. умер от разрыва сердца в аэропорту Внуково в Москве, возвращаясь на родину. Похоронен в Тбилиси³.

Таковы хронологические вехи жизненного пути этого выдающегося философа и человека.

Можно ли преодолеть не просто неграмотность российского населения — задача, которая была решена, как известно, в СССР в 30-е годы прошлого века, — а нашу неспособность мыслить или думать самостоятельно? И можно ли рассматривать в таком случае фразу, вынесенную в заголовок настоящих заметок, как некий «большой проект»?

Отвечая на эти вопросы, помечу вначале две вещи. На мой взгляд, М. К. явно не случайно, когда произнёс фразу о «мыслительной неграмотности народа», употребил слово «преодолеть», а не «научить», потому что научить, а тем более заставить мыслить, как и не мыслить, человека, считал он, невозможно. Учиться думать или мыслить человек может только сам.

Мир всегда сложен, только сложность эта бывает разная и по-разному узнаваемая.

...И вот всё это чудовищным образом запуталось в XX веке, когда, с одной стороны, мы имеем дело с очень сложным феноменом массового производства, а с другой, эта слож-

² В журнале М. К. вёл раздел критики и библиографии и одновременно занимался подбором книг для журнальной библиотеки, заказывая в основном философскую литературу на европейских языках. Я убедился в этом, хорошо зная его почерк, обнаружив на полях некоторых книг сделанные им пометки, когда в середине 70-х после разгрома редколлегии «Вопросов философии» тоже оказался в Праге и работал в журнале. Он продолжал и в Праге заниматься своим любимым делом: читать и размышлять. Итогом этих занятий явилась, в частности, его статья «Анализ сознания в работах Маркса», которая после публикации в «Вопросах философии» была замечена европейскими интеллектуалами; её переводы появились на нескольких европейских языках.

³ Гроб с телом М. К. в Тбилиси сопровождали моя жена, Лена Немировская, и я. Накануне похорон с М. К. пришёл проститься католикос Грузии Илия II.

ность требует от каждого из нас саморазвития, чтобы быть на уровне той материальной, предметной среды, которая нас окружает, являясь продуктом специальной и весьма изощрённой деятельности. Следовательно, нужно очень много работать над собой, а человек естественным образом ленив. Так же, как и естественным образом трудолюбив, ибо у него есть неотъемлемое право и потребность быть в мире с самим собой и сохранять уважение к себе. ...И эта работа связана с умением мыслить точно, вопреки видимости.

(Из неопубликованного курса лекций М. К. о философии XX века.)

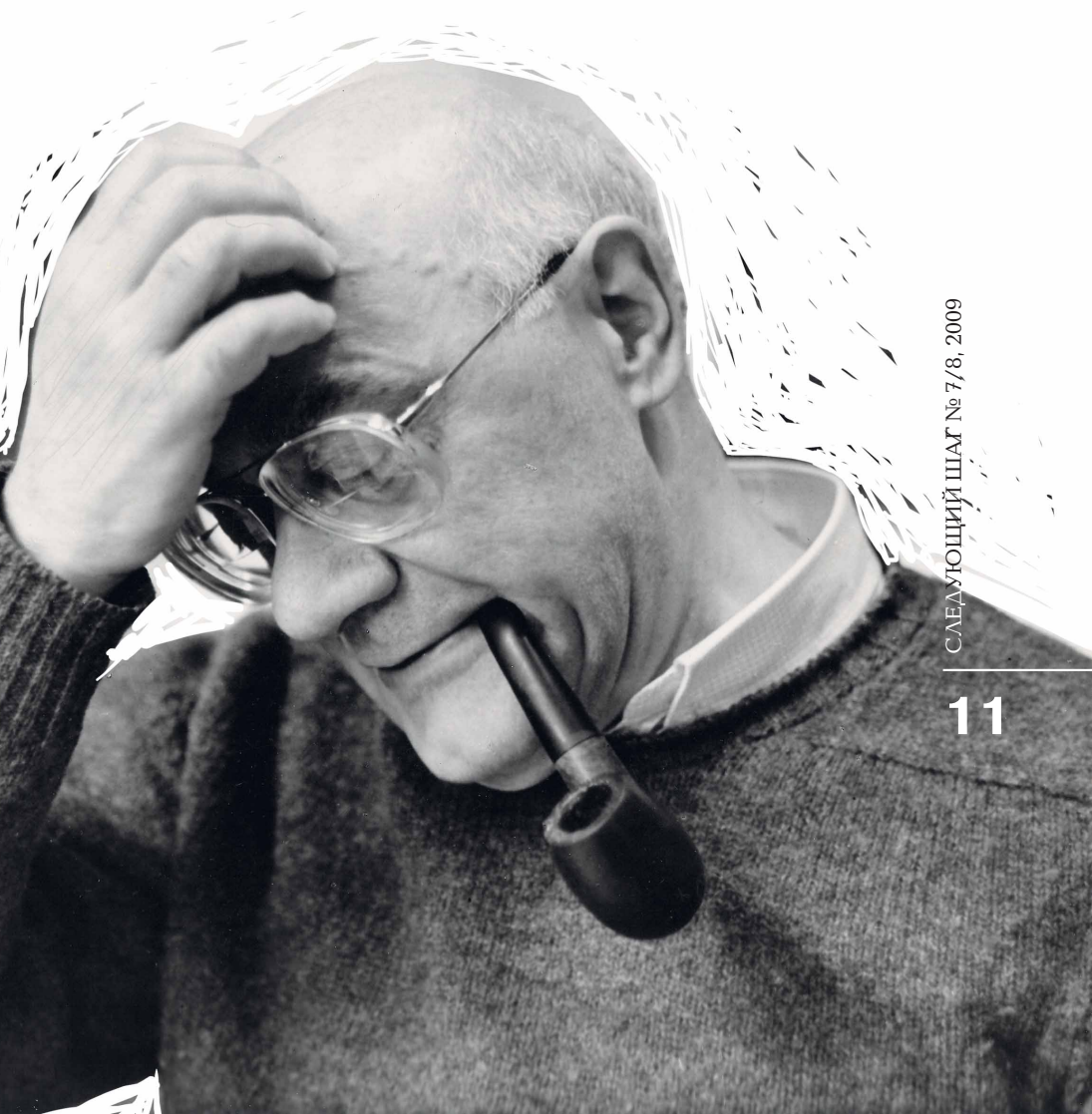
Философия занимается изучением дела мысли во всяком деле, и в этом смысле она есть мысль о мысли.

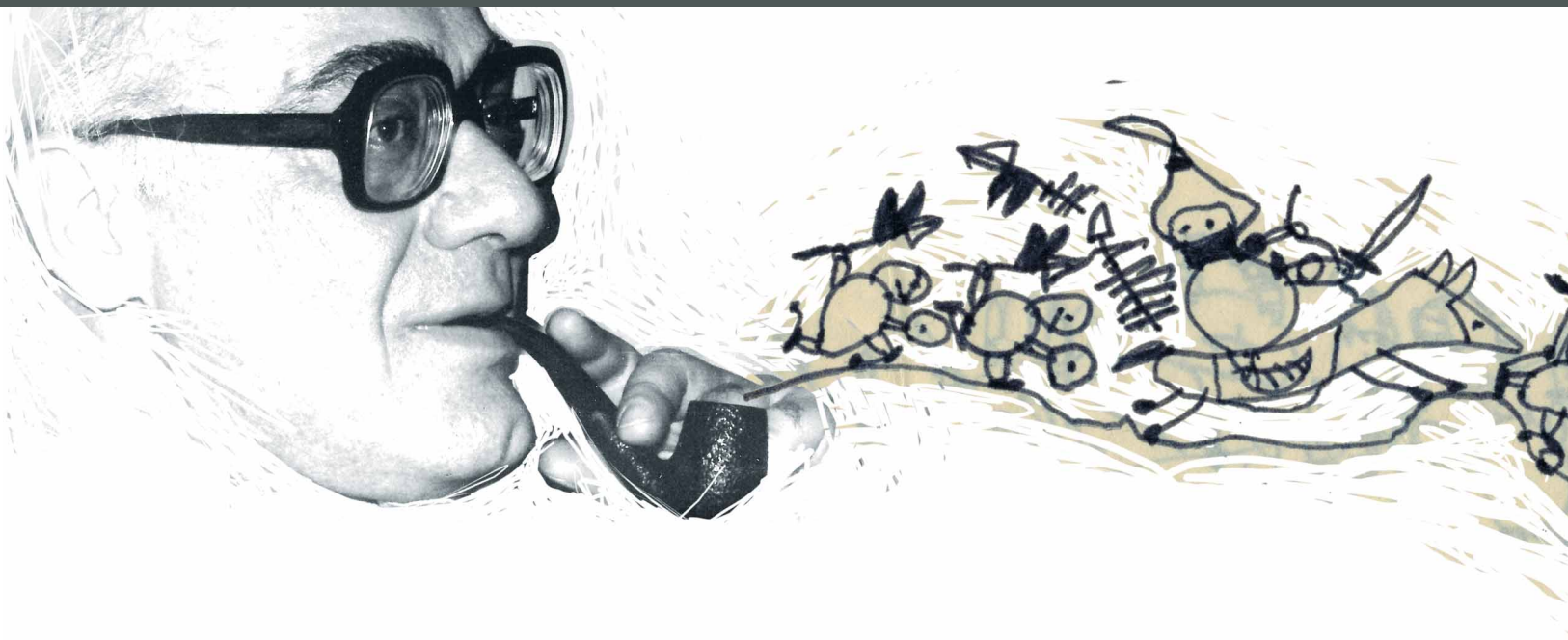
М. Мамаргашвили

«Мыслить точно», «уважение к себе», «работа над собой», «саморазвитие», «ответственность» — эти слова и выражения постоянно звучали на его лекциях.

И второе замечание, вытекающее из сказанного. Я не думаю, чтобы М. К. согласился при жизни стать участником какого-либо «проекта», так как он видел, как реализовывался при советской власти проект под названием «коммунизм». Мысль всегда нечто

иное, — подчёркивал он, — по сравнению с нашим ментальным состоянием, в котором совершаются преднамеренные, проективные акты. Но это не значит, что его философия, являющаяся, по сути, своеобразным контрпроектом, исключает в принципе проектную деятельность и не имеет отношения к тем проблемам, которые мы обсуждаем сегодня.

Прочитую, прежде чем обратиться к его философии, отрывок из лекции, где говорится о «преодолении мыслительной неграмотности народа». Произвол уже сам в себе несёт микробы, архетипы, прецеденты или образцы беззакония. И это беззаконие будет действовать, сцепляя одно с другим, независимо от наших благих намерений или пожеланий. Законы существуют только для свободных существ, в противном случае всё будет продолжаться, несмотря на наше оскорблённое чувство гражданского достоинства, если мы будем по-прежнему думать, что живём по законам, а ради их соблюдения, так или иначе, занимаемся волюнтаризмом, администрированием, насилием. Естественно, это разрушение гражданского сознания и уничтожение любых семян, из которых потенциально могла бы вырасти правовая культура в России... И мы должны быть готовы, чтобы в стране развивалось правовое договорное сознание. Если мы действительно хотим преодолеть мыслительную неграмотность народа и самой власти.

Это было сказано, напому, в начале перестройки, когда выражения «мы должны быть готовы» и «если мы действительно хотим» отнюдь не исключали (и не исключают сегодня) возможность рассматривать их в качестве формулируемой цели некоего «проекта», но опять же — с одной оговоркой. Это был не обычный проект в том смысле, что его призывал и стремился осуществить философ, а не политик. Любой политический проект, как и бизнес-проект, предполагает, как известно, конкретную цель и средства её достижения, а в данном случае такой целью является сам человек (народ), которому предлагается преодолеть свою мыслительную неграмотность самой же мыслью, то есть «не думать по-прежнему». Возможно ли это? Известный английский экономист Джон М. Кейнс по этому поводу говорил: «Трудности создают не новые идеи, а освобождение от старых». Так как же от них освободиться?

Я сказал уже, что сквозная тема философствования М. К. — человеческая мысль, наше сознание. Философия, по его словам, занимается изучением дела мысли во всяком деле, и в этом смысле она есть мысль о мысли. По-настоящему его интересовало только это: способность человека думать и размышлять о таких не существующих в природе вещах, как свобода, истина, справедливость, красота.

Удивительно, говорил он часто на своих лекциях, что всё это есть, хотя ты постоянно видишь вокруг, что люди предпочитают оставаться несво-

бодными, склонны к агрессии, мести. Сталкиваешься с ложью, несправедливостью, обманом, завистью. А потом повторял: но ведь свобода, как и истина, тем не менее есть, существует. И мы знаем об этом по собственному опыту, личному переживанию, когда неизвестно откуда и почему в нас как бы вспыхивает внезапно свет, и мы неожиданно обнаруживаем свою уникальность в окружающем мире и чувствуем, что между нами и миром есть некая невидимая связь. М. К. убеждал слушателей, что именно в этом состоит искусство и призвание философа: в сохранении такой уникальности и удержании этой связи; что, только начиная мыслить, мы начинаем понимать себя и, понимая себя, начинаем понимать других, преодолевая тем самым нашу мыслительную неграмотность.

Следовательно, это не идеология, которую можно по каким-то причинам, скажем, в силу партийных интересов, принять или не принять, — о мысли не может возникнуть такого вопроса: принимать или не принимать. В позицию мысли, как сказал бы М. К., нельзя встать на митинге — не то место; потому что она относится к тому, о чём заранее, до неё самой, нельзя знать в принципе — нельзя представить, вообразить возможным, ввести определение.

Повторяю, философия, как её понимал и практиковал Мамардашвили, — это особое искусство и наработанный навык сохранения живой мысли с помощью рассуждения об однажды испытанном человеком удивлении

Мыслить означает — не проситься назад.
А для этого надо расцепиться, не быть повязанными
друг на друга, и тогда нам предстанет суть дела,
в том числе — и лицо власти.

М. Мамаргашвили

от своего присутствия в мире и способности познавать окружающий мир. А для этого необходимо хотя бы раз в своей жизни задуматься над тем, что понятие «мысль» и живая мысль не одно и то же. Потому что мысль не выводима из понятия, на неё нельзя посмотреть со стороны, как на предмет, раз она уже в тебе, и ты мыслишь, «уже в сознании и памяти, и нет никакой такой точки, в которую мог бы выйти, и там обнаружить человека без сознания и памяти»⁴.

Философ принимает такого рода вещи за факт, подчёркивает Мамаргашвили, не пытаясь ответить, откуда он (подобно тому, как религиозный человек верит в откровение), однако «считает необходимым его ясно описать, как бы удостоверить его собой и получить из него последствия»⁵.

Какие последствия? Имеющие отношение, выражаясь на философском языке, к процедуре рефлексивной объективации⁶, то есть в результате наблюдения над собой начинаем отличать живую мысль от понятия и нечто называем чувством, другое — ощущение,

что-то — представлением, что-то — страстью. И только тогда начинаем действительно понимать, говорил М. К., что мысль избыточна по отношению к любому предметному знанию, поскольку содержит в себе освещение самой себя. Это и есть дополнительное измерение незнаемого или невидимого, так как мы не видим сознания. Мы видим только содержание сознания.

Допустим, приводил он пример, «я вижу стол» — это утверждение. Но что значит «я вижу»? Ведь гений нашего языка, когда мы употребляем термин «сознание», не случайно соединил частицу «со» и слово «знание». Значит, в утверждении «я вижу стол» есть что-то ещё, условно называемое смыслом, для которого нет ничего похожего в мире языка, хотя в мире языка есть всё.

И когда из языка, а не из со-знания, приходят антиобразы и занимают место осмысленных явлений, тогда происходит антропологическая катастрофа. И зомбированных существ, порождённых этой катастрофой, которая произошла в результате действий советской власти, мы не можем рассматривать в качестве тождественных или адекватных себе, как продолжение самих себя.

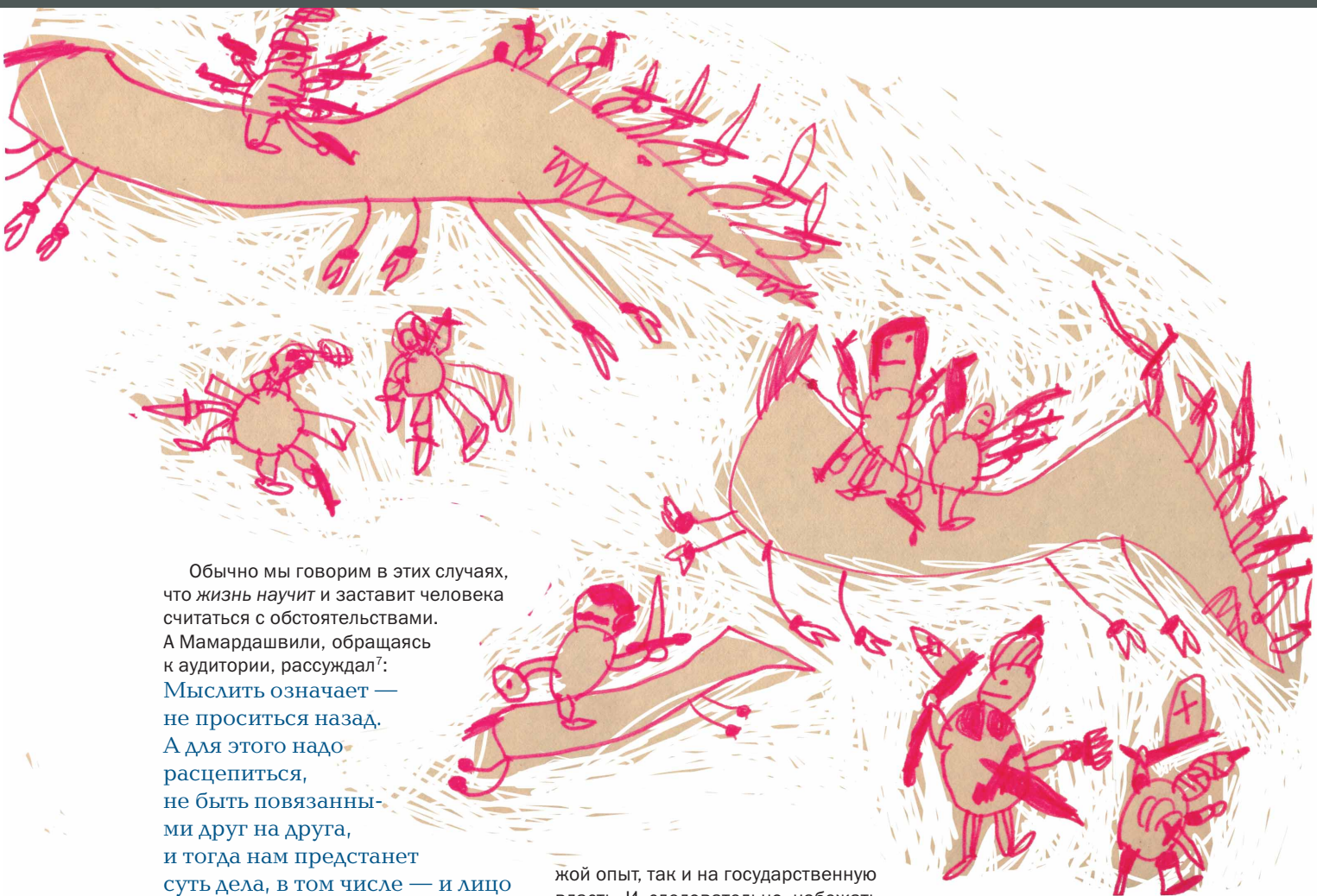
Так как, говоря на их языке, мы не в силах испытать состояния мысли и чувства. Не можем прийти в движение и извлечь смысл, например, из слов «свобода» или «долг», поскольку поле сознания уже занято ображаемой свободой, представлением о долге и производными от них антиназваниями: «Могила Ленина — колыбель революции», «Чернобыль — место подвига» и т. д.

Следовательно, способность мышления, делал вывод М. К., не есть всё же в строгом смысле обычная способность человека. А есть некоторое свойство именно поля со-знания, и философия, или мысль, существует потому, что мы рождаемся не только естественным, биологическим путем, а посредством некоего органа «второго рождения». То есть из тех впечатлений, которые говорят нам о чём-то скрытом в нас, из-за чего мы волнуемся, переживаем, страдаем, радуемся, когда в нас рождается человеческая личность. Если же мы собираем или копируем впечатления, постоянно психологизируя их, то всё неизбежно повторяется, и мы так и не узнаем, на что способны как свободные люди. Здесь и встаёт радикальный вопрос: как же тогда мы учимся из опыта?

⁴ Эстетика мышления. С. 82.

⁵ Там же. С. 56–57.

⁶ Когда мы различаем вещи и называем их своими именами.

Обычно мы говорим в этих случаях, что жизнь научит и заставит человека считаться с обстоятельствами.

А Мамардашвили, обращаясь к аудитории, рассуждал⁷:

Мыслить означает — не проситься назад.

А для этого надо расцепиться, не быть повязанными друг на друга,

и тогда нам предстанет суть дела, в том числе — и лицо власти. Перестройку пресса призывает делать всем миром. А я на это могу ответить только одно: уже наваливались, расцепиться надо. Только попав в метафизическую матрицу, перед лицом абсолюта я могу начать мыслить.

Действительно, можно ли, подражая механически, по аналогии заимствовать, например, чужой опыт в таком серьёзном деле, как институциональное строительство гражданского общества? Каким образом, извлекая уроки из прошлого и занимаясь образованием и просвещением, выстроить нормальную систему политических и, шире, межчеловеческих отношений в современной России с учётом запроса общества на национальную идентичность, учитывая, что в гражданских делах в равной степени недальновидно полагаться как на чу-

жий опыт, так и на государственную власть. И, следовательно, избежать этого можно, лишь полагаясь на себя и мысля самостоятельно. Поясню это на простом примере.

Допустим, перед нами стакан, которым мы пользуемся. Откуда он появился? Ведь в природе его не существовало. Возможный ответ — по аналогии: человек увидел когда-то скорлупу ореха, подобрал её, чтобы напиться воды, а потом придумал стакан. Но ведь думание всегда случается в первый раз и, в этом смысле, не исчерпывается аналогией. Между скорлупой ореха и придуманным стаканом явно есть некий мысленный зазор. Это состояние ума, существующее в некой идеальной форме, в горизонте которой и изобретаются артефакты культуры — будь то стакан, вилка, машина и т. д.

Практически все предметы и вещи, которые нас окружают сегодня, в природе отсутствовали, их не было. Это всё изобретения человеческого ума. Мы давно уже живём в мире искусственных, а точнее, искусно сделанных

вещей и предметов и пользуемся ими, часто не задумываясь об их происхождении. В том числе и о происхождении общественных институтов. Философия же, по словам Мамардашвили, имея дело с тайной человеческого существования, ценит то, во что люди вкладывают свою душу, движимые страстью к познанию. И в наших российских условиях только наше чувство долга и соответствующее призвание способны кристаллизовать аморфное общественное пространство, противопоставляя своеволию бюрократической власти нечто более осмысленное.

Есть вещи, которые не могут быть понятиями. Витгенштейн по их поводу говорил: этические высказывания невозможны. Мы высказываемся о вещах, приписываем им какие-то свойства, но дело в том, что

⁷ Часть этих рассуждений в виде отрывков из его лекций и выступлений 1986–1988 годов, в том числе неопубликованных, приводится в моём изложении.

Что лежит в основе целостного восприятия мира? Идея гармонии, порядка? Но откуда берётся сам этот порядок, характеризующий и нашу собственную идентичность? Когда человеческая личность не распадается от знания того, что окружающий мир полон насилия, несправедливости, обмана.

мысль, совесть, долг, справедливость, свобода и т. д. — вообще не объекты, обладающие какими-то качествами. И мы не должны их постулировать, то есть вести себя так, как если бы они существовали помимо нас. Почему? Потому что я говорю о том, чего нет и не будет, а есть только сейчас, когда мы об этом рассуждаем и держим в нашем внимании и концентрации условий того, чтобы это воспроизвело себя в следующий момент времени — в «чистом виде».

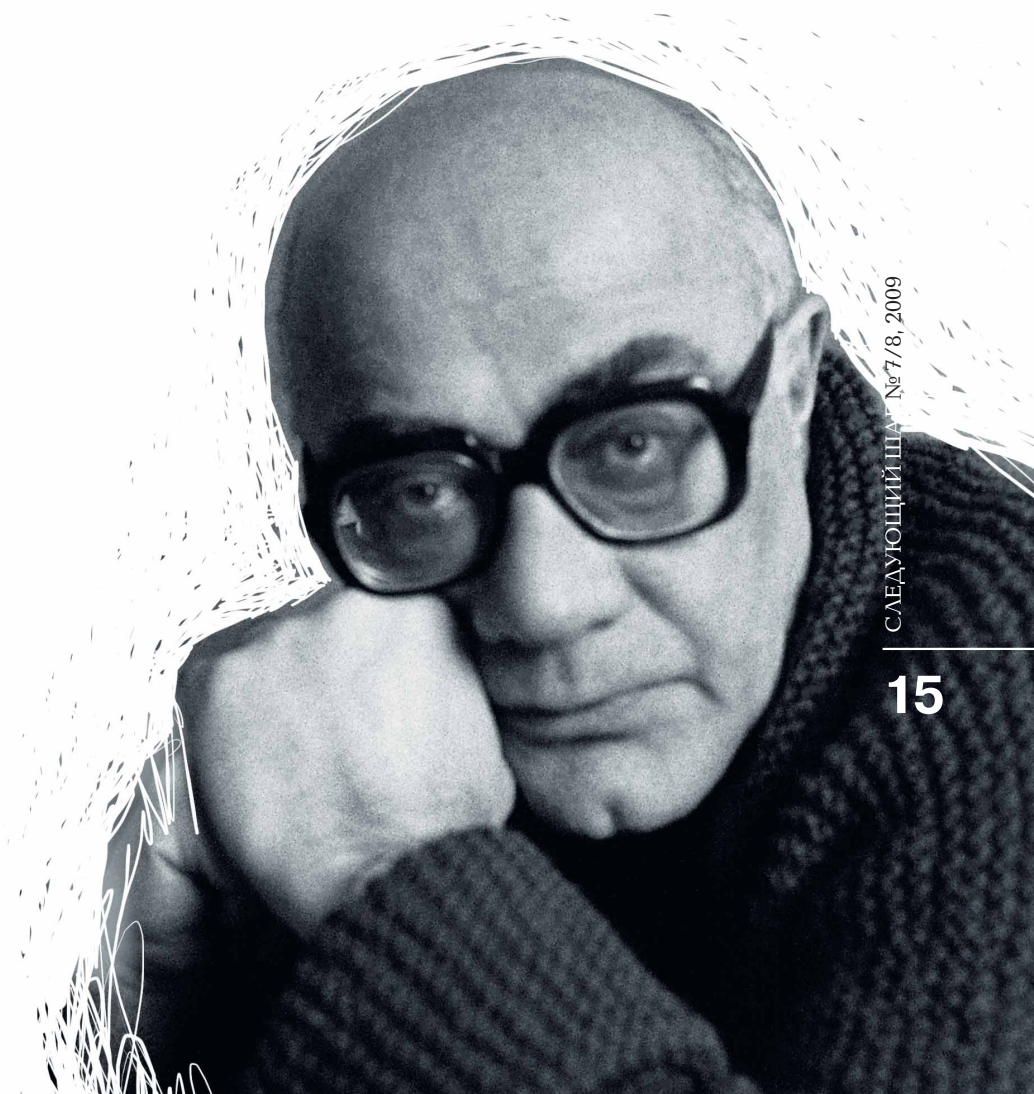
Мы философствуем в той мере, в какой пытаемся понять условия, при которых мысль может состояться... Мир находится в постоянном становлении, и в нём всегда найдётся место для меня, если я действительно мыслю.

Поделюсь в этой связи одним воспоминанием. Помню, мы лежали как-то и загорали на пляже, на берегу Чёрного моря, и М. К., обратившись ко мне, сказал: вот ты смотришь на море, и в окоём твоего взгляда попадает только то, что перед тобой. То есть видишь как бы половину существующего мира, но ты можешь повернуть голову, и тогда увидишь, что находится сзади, за твоей спиной. И спросил (как бы обращаясь одновременно к себе): каким образом эти «две половинки» возникают в нашей голове как целое? Ведь это и есть философская постановка вопроса, поскольку мы всегда исходим в своих рассуждениях из какого-то целостного представления о мире. Но на каких основаниях?

Признаюсь, я не сразу понял тогда суть этого вопроса (а М. К. думал о таких вещах постоянно) и лишь какое-то время спустя задумался над тем, что ведь это на самом деле интересно: что лежит в основе нашего возможного целостного восприятия мира? Идея гармонии, порядка? Но откуда берётся сам этот порядок, характеризующий в таком случае и нашу собственную идентичность, то есть тождество нас самих с собой? Когда человеческая личность не распадается от знания

того, что окружающий мир полон насилия, несправедливости, обмана.

Разумеется, мы видим мир всегда по частям, состоящим из бесконечного числа различий, несоответствий, крайностей, противоречий, проблем, а понимаем (не замечая этого), так или иначе, исходя из непостижимого чуда целого. Продолжая тем самым оставаться фактически в рамках религиозного сознания (от лат. слова *religo* — связывать; то есть связывающего нас с чем-то большим, чем мы сами).

Под свободой обычно эмпирически понимают «свободу выбора». Считается, что мы свободны тогда, когда можем выбирать, и чем больше выбора, тем больше свободы. А философ говорит другое: проблема выбора никакого отношения к проблеме свободы не имеет. Свобода — это феномен, который

такого знания и знания о таких вещах нет собственно человека как человека.

Постсоветский человек, безусловно, уже отличается от советского человека тем, что он *знает*, ощущает, убеждается повседневно, что живёт в стране, вступившей на путь капиталистического развития и экономической свободы. Отсюда его отношение к этой свободе: *у кого деньги и власть, у того и свобода*. А те, у кого деньги и власть, полагают при этом, что люди свободны тогда, когда у них появляется выбор, и, следовательно, чем больше возможностей выбора, тем больше в стране свободы. Но так ли это на самом деле? Не содержит ли понимание свободы как наличия только выбора очевидное противоречие, когда, с одной стороны, свобода приводит к утверждению неограниченной власти денег и произволу рынка, а с другой стороны, в виде ответной реакции порождает в обществе атмосферу всеобщей неуверенности, взаимного недоверия, зависти, цинизма, фиксируемую социологическими опросами? Возможно ли в таком случае появление в современной России действительно свободного человека, просвещённого гражданина, а значит, и реальной свободы?

Под свободой обычно эмпирически понимают «свободу выбора». Считается, что мы

свободны тогда, когда можем выбирать, и чем больше выбора, тем больше свободы. А философ говорит другое: проблема выбора никакого отношения к проблеме свободы не имеет. Свобода — это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. Свободой является нечто, что в себе самом содержит необходимость. Нечто, что является необходимостью самого себя, и есть свобода.

Стоит отметить, что именно к такому определению свободы всё больше склонялись европейские мыслители в эпоху Просвещения, размышляя о гражданском обществе и правах человека. Поскольку цель просвещения состояла в раскрытии смысла свободы.

Свобода, утверждали они, и на этом же настаивал М. К., не является естественным состоянием общества. Чтобы обладать свободой, человек должен соотносить её с моралью, без которой немислимы взаимоотношения людей. Поэтому можно и нужно говорить о правах, если люди мыслятся во взаимном отношении друг к другу. Право — ничто вне таких отношений. И задавали вопрос: как могут сосуществовать свободные существа — ведь в этом состоит смысл права как измерения морали? И отвечали: совместное существование людей возможно при условии, если каждый ограничивает свою свободу настолько, чтобы сохранить свободу других. Свобода одного упирается в свободу другого и имеет эту последнюю условием собственной свободы. А Кант, в частности, по этому поводу в своих лекциях по этике говорил, что свобода растёт вместе со степенью моральности в наших делах.

Во всяком случае, интеллектуальный и политический опыт европейской истории Нового времени подтверждает это наглядно, начиная с эпохи освоения античного наследия. То есть в пору особенно напряжённых философских исканий и тесно связанных с ними научных и технических изобретений и открытий, породивших промышленную революцию и одновременно серию социальных революций и изменений в экономическом фундаменте общества. Так что современная западная демократия и современный рынок появились не на пустом месте.

Философствуют только исторические существа. И философия имеет прямое отношение к тому, есть ли такое существо или нет. Ибо знание свободы, опыт сознания как такового («чистого», в котором частица «со» есть некое дополнительное измерение незнаемого) конституирует человека: без

имеет место там, где нет никакого выбора. Свободой является нечто, что в себе самом содержит необходимость. Нечто, что является необходимостью самого себя, и есть свобода.

М. Мамаргашвили

Повторяю, исходя из опыта и навыков философского мышления и не забывая о библейских заповедях, европейцы решили в какой-то момент, что

мораль может быть только абсолютной, но выполнение её требований, отношение к ней должно быть относительным. Иначе на дорогу гражданской свободы и личной ответственности не выбраться. Всё это я сейчас огрубляю и свожу к схеме, но суть дела, как сказал бы философ, в этом. Нравственность, или мораль, в качестве универсального закона начинает работать тогда, когда в обществе

осознаётся необходимость и возможность её ограничения (определения?) с помощью юридических норм.

(По аналогии с законами природы, когда для их изучения начинает применяться математический аппарат, а законодательство, в сущности, такая же математика, но используемая при этом для анализа природы морали.) Ибо одно дело, скажем, зависть, преодолеваемая верующим человеком без помощи юриста, и другое — воровство или нарушение обязательств, от которых страдают другие люди и их интересы. И тогда они, естественно, стремятся их защитить и идут в суд, а не к священнику, не особенно надеясь на религиозные заповеди и «моральный закон». Однако, отстаивая свои интересы, они по определению защищают при этом и моральный закон, так как начинают понимать, что честные отношения в сфере бизнеса и компромисс в общественных, политических делах ведут не только к сохранению их благосостояния, но и способствуют развитию общественной солидарности и умножению общественного блага. И таким образом честность и доверие становятся опорой самого законодательства. Или можно сказать определённое: они приобретают характер личной чести, возвращая Закону его религиозный, абсолютный смысл. Учитывая, что честь — своеобразный итог самовоспитания человека после «второго рождения», а честность — эмпирическое понятие, вызревающее в сфере рыночных отношений и гражданской жизни.

Все, кто идёт в политику или занимается бизнесом, руководствуются в наши дни явно не моралью, так же как их не интересуют и философские основы морали. Но — извлекая опыт — все мы как граждане способны и обязаны понять, что вести свои частные дела и дела государственные гораздо выгоднее, опираясь на законы,

В наших условиях невозможна политика — как искусство законного обращения с силами, которые признавались бы независимыми. А если перед нами смазь вселенская, способная уничтожить любую автономию, любую независимую силу, то и политика исчезает.
М. Мамаргашвили

в которых закреплено наше право на свободу. Именно право, так как согласно одной из «максим» С. С. Алексеева, нашего современного известного юриста, опубликованных в его книге «Избранное»: «Власти не потребно право — ей достаточно закона».

Итак, мораль абсолютна, а наше отношение к морали (в момент выбора между лучшим и худшим) должно быть относительным. То есть оформленным в виде правовых юридических норм, так как чисто логическим путем моральную норму вывести невозможно. Относительное не противоположно абсолютному — в том смысле, что моральный опыт можно извлечь только из окружающей действительности.

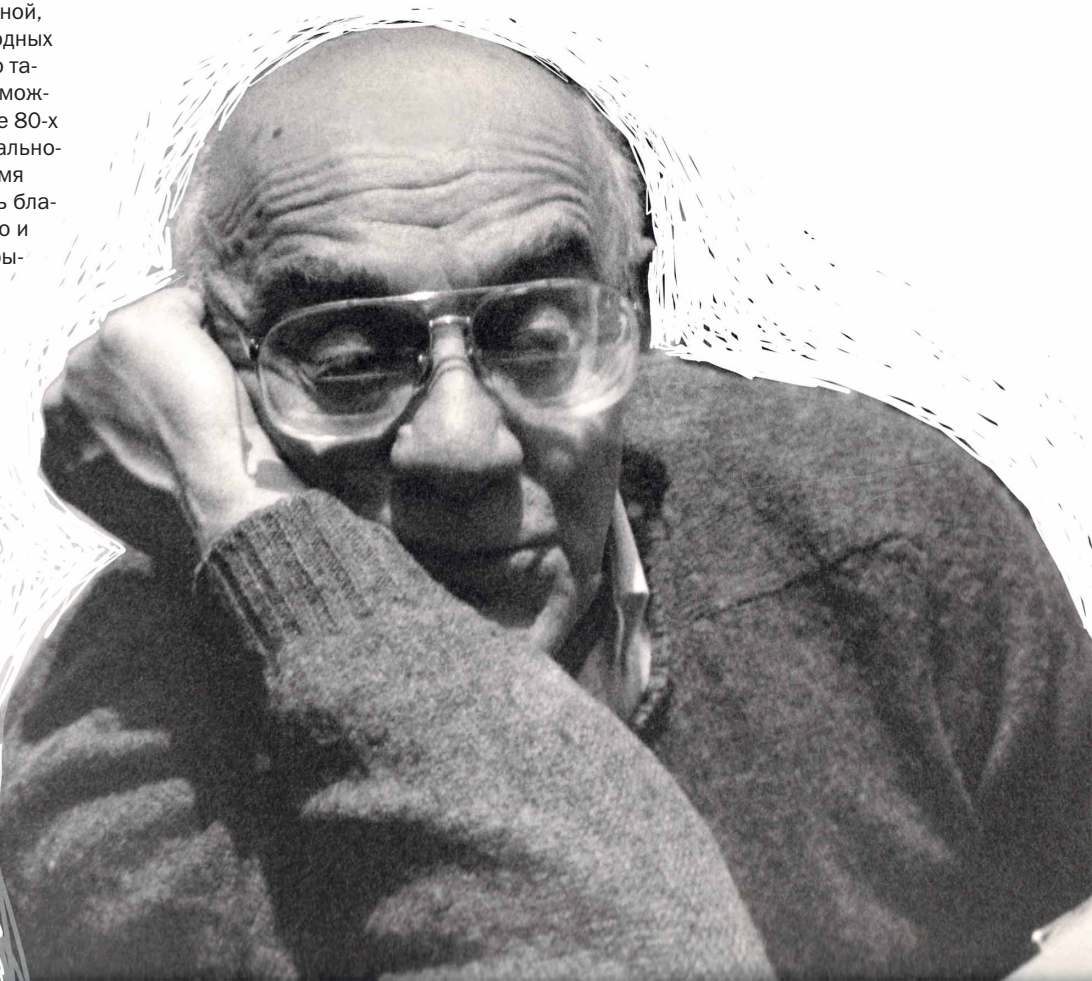
Реальность, стоящая за этими высказываниями, становится очевидной, когда появляется общность свободных людей. И она исчезает, как только такая общность оказывается невозможной. М. К. убедился в этом в конце 80-х годов, во время подъёма национально-патриотического движения в Грузии, когда его имя приобрело широкую популярность благодаря многочисленным интервью и выступлениям, вызывавшим открытое раздражение национал-патриотов, особенно после таких его заявлений.

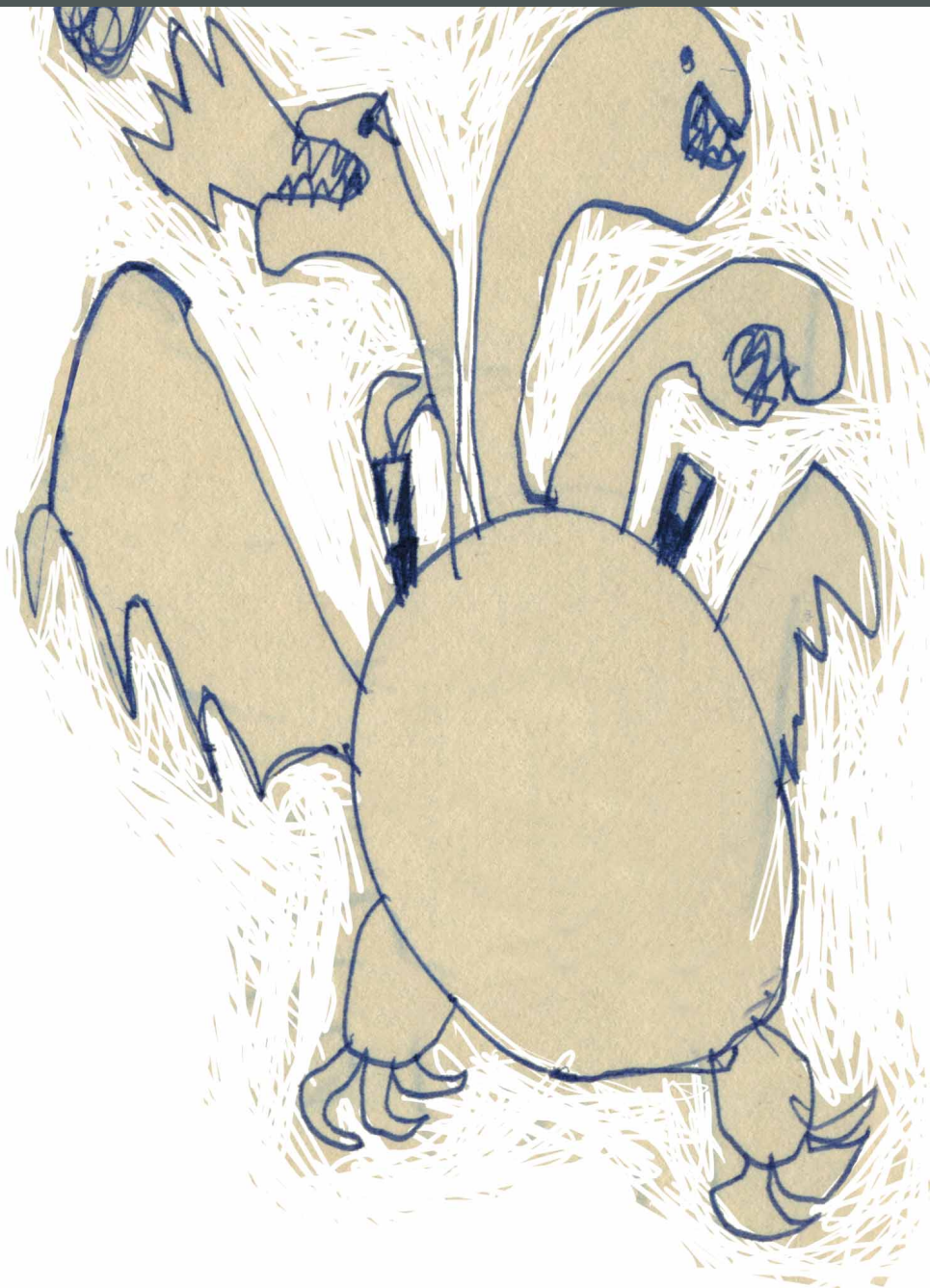
Я всегда полагал и всё ещё полагаю, что человек должен определять себя не в категориях расы, религии, философских убеждений, гражданства или географии, вообще вне подобной обусловленности. Прежде всего, он должен себя спросить:

«Я трус? Я благородный человек? Или я лжец?»

С тех пор, как существует евангелическая точка отсчёта, существует одна простая закономерность: условием нормального существования и полноценного живого функционирования черт национально-патриотического характера являются личные начала, которые зацеплены именно на универсальное, общечеловеческое в человеке.

Если истребить в нации личные начала, которые внешне национальны, являются историческими началами человека как такового, независимо от его этнической принадлежности, то лучшие черты нации исчезнут. Именно это — основа любой духовности, ибо суть её в том, что выше родины в ней всегда стоит истина. Я истину ставлю выше родины, и у меня возникает вопрос: многие ли грузины готовы поставить

истину выше видимого интереса своей родины? А если не могут, то они плохие христиане.

Подобные высказывания философа, для которого главными духовными ценностями были личность и свобода, воспринимались радикалами-звиадистами (сторонниками Звиада Гамсахурдиа) как предательство. «Патриоты» заклеили его как врага нации — агента Кремля, звонили ему домой с угрозами и проклятиями. Угрозы и проклятия он услышал от своих соотечественников и в последние мину-

ты жизни — в московском аэропорту, когда возвращался в Тбилиси из поездки в Соединённые Штаты. Рейс задерживался, среди попутчиков были звиадисты, которые начали высказывать всё, что они думают о нём, не стесняясь в выражениях. Он не долетел до Тбилиси. Упал в зале ожидания — не выдержало сердце...

И ещё несколько характерных рассуждений М. К., эмоциональный пафос которых свидетельствует о его отношении к философии, которой он служил, повинувшись голосу призвания, как и подобает просвещённому человеку. Не ожидая подвигов от других, а проделав своей жизнью бытийно-личност-

ный эксперимент. Во всяком случае, для меня очевидно, что на основе именно такого эксперимента рождался его мир, который можно назвать сегодня миром Мераба Мамардашвили, с его идеей преодолеть мыслительную неграмотность народа и власти, поскольку он имел в виду при этом и своё отношение к власти, когда говорил, что нам надо учиться судить дела, а не людей. Потому что власть проявляется в виде человеческих страстей, амбиций, желаний, зависти, воли, которые, выходя наружу, как раз и превращаются в дела. Следовательно:

Необходимо довести своё состояние, которое властно владеет тобой, до ясности. И ответить на вопрос: что я в действительности чувствую, почему меня это волнует, почему я это люблю, почему я это ненавижу, почему это мне нужно. Например, человек задаёт вопрос: могу ли я поверить в ум, искренность, добронамеренность и способности нынешних вождей? Весь же смысл в том, чтобы спросить себя и ответить на другой вопрос: «Почему я хочу вождя?» Отвечая на этот вопрос, можно очень многое узнать. Не о качествах вождя, а о том, каков ты, каково общество и что ты можешь и должен сделать.

Казалось бы, именно из закона должна следовать справедливость, однако в этом и состоит наша проблема. Закон может быть провозглашён

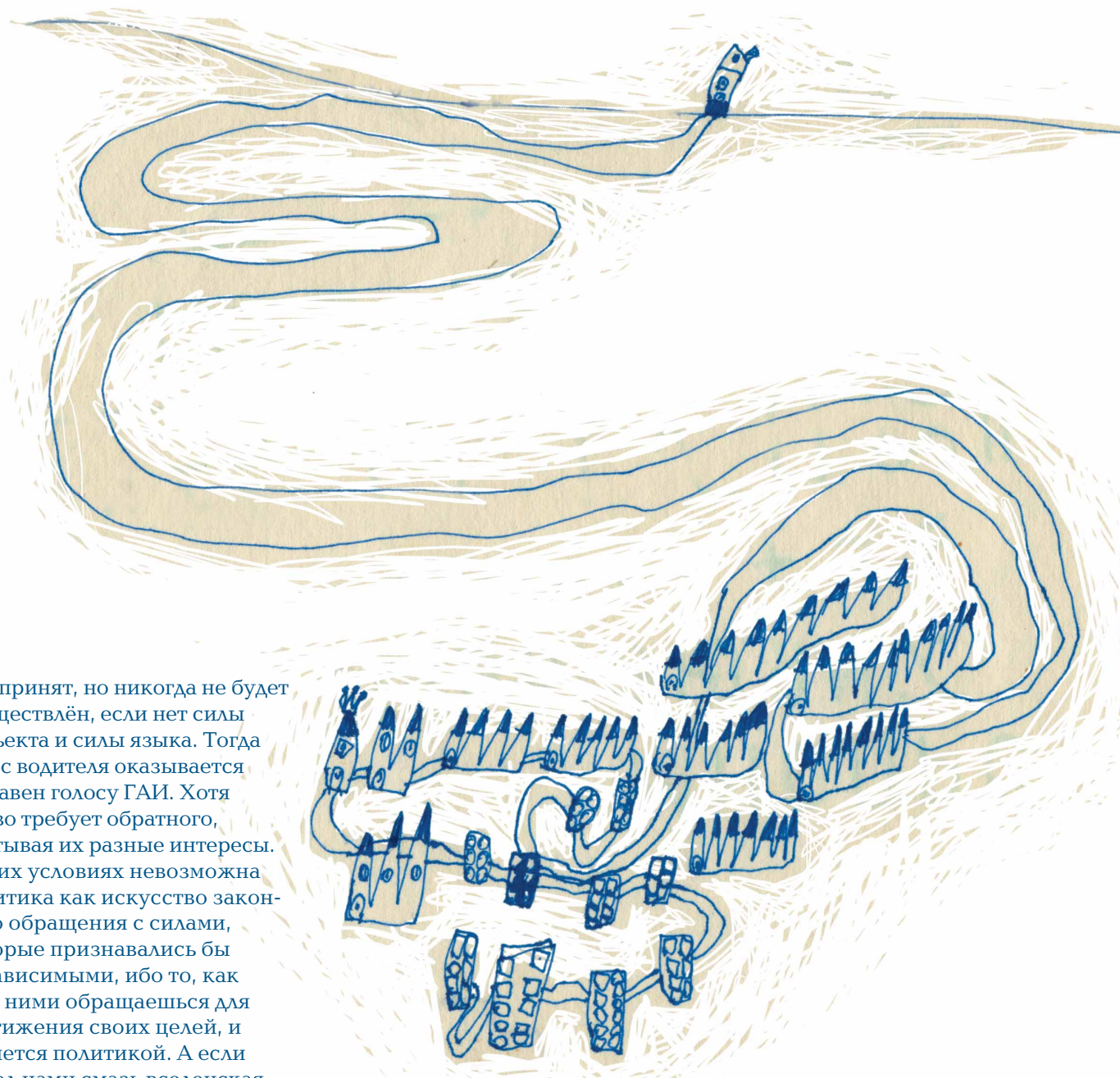

или принят, но никогда не будет осуществлён, если нет силы субъекта и силы языка. Тогда голос водителя оказывается не равен голосу ГАИ. Хотя право требует обратного, учитывая их разные интересы. В этих условиях невозможна политика как искусство законного обращения с силами, которые признавались бы независимыми, ибо то, как ты с ними обращаешься для достижения своих целей, и является политикой. А если перед нами смазь вселенская, способная уничтожить любую автономию, любую независимую силу, то и политика исчезает. Я имею в виду при этом не хорошую или плохую политику, я говорю: «исчезает феномен политики» — учитывая существование в стране номинально государственных институтов и организаций, которые трудно назвать таковыми. Поскольку **государственное** — это политическое

явление, а они не являются политическими организациями. Почему? Потому что для них нет сил, которые от них не зависели бы, а значит, им не нужна и культура политики или политическая культура.

Я не раз убеждался, что ни один из наших граждан не имеет сознания налогоплательщика. Ведь налоги — это договорные отношения с государством.

Они означают простую вещь: у меня должно быть сознание, что, поскольку я плачу налоги, то это **меня** касается, что делается на улицах города и прочие проблемы общественного устройства. Но ни один из нас так ведь не рассуждает. Рассуждают совсем иначе, так как у нас нет укоренённого сознания договорности наших отношений с государством, накладывающих взаимные

Мы философствуем в той мере, в какой пытаемся понять условия, при которых мысль может состояться... Мир находится в постоянном становлении, и в нём всегда найдётся место для меня, если я действительно мыслю.

М. Мамардашвили

обязательства. И в результате мы имеем то, что имеем. Поэтому, если вскоре нас будут облагать повышенным налогом на индивидуальную деятельность и захотят собирать процентов восемьдесят, не удивляйтесь; это будут не обязательства, а продолжающийся естественный производ, насилие от опьянённых властью мозгов. Хотя я, например, готов платить и большой налог, но при одном условии: чтобы я видел, что государство чинит дороги, что оно проводит назревшие реформы, а не обращается с нами как со скотом.

Гражданское общество может считаться таковым, если оно понимает, осознаёт на уровне мускулов и умений составляющих его субъектов, что некоторые явления и события являются символическими, а не образцами реального устройства общества... И тогда мы сталкиваемся с *res publica* (мы недалеко ушли от римского права, и надеюсь, не уйдём, а вернёмся к нему) — с публичной

вещью, принадлежащей всем. Когда все являются гражданами в той мере, в какой могут представить себя публично. В рефлексивном пространстве, в котором помещено гражданское общество, участие в граж-

данских делах есть не право, а обязанность, поскольку участие в них кристаллизует гражданское состояние, и ты впервые узнаёшь, что именно чувствуешь, желаешь, мыслишь на самом деле.

Наша ситуация такова, что у нас есть крылья, о которых мы не знаем.

